

**АВИА-
ШЕДЕВРЫ**

ЛЕОНИД
АНЦЕЛИОВИЧ

Русские крылья Америки

«ГРОМОВЕРЖЦЫ»
СЕВЕРСКОГО И КАРТВЕЛИ

МОСКВА
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2015

УДК 623.74

ББК 68.53

A74

Анцилиович, Леонид Липманович.

A74 Русские крылья Америки. «Громовержцы» Северского и Картвели / Леонид Анцилиович. — Москва : Яуза-пресс, 2015. — 384 с. — (Авиа-Шедевры).

ISBN 978-5-9955-0797-0

Новая книга от автора бестселлеров «Великий Мессершмитт», «Гений «Фокке-Вульфа» и «Великий Юнкерс». Творческая биография гениальных авиаконструкторов, выросших в Российской империи, но после революции вынужденных покинуть Родину и реализовавших себя в Америке. Всё о легендарных самолетах А.Н. Северского и А.М. Картвели.

Герой Первой Мировой войны, один из лучших русских асов, сбивший 13 самолетов противника, потерявший в боевом вылете ногу, но вернувшийся в строй и удостоенный ордена Св. Георгия и почетного Золотого оружия, Северский стал основателем, а Картвели – главным инженером знаменитой фирмы, создавшей множество авиашедевров. Их «громовержцы» участвовали во всех войнах США. Прославленный **P-47 Thunderbolt** («Удар грома») признан лучшим истребителем-бомбардировщиком Второй Мировой. Реактивный **F-84 Thunderjet** поставил последнюю точку в Корейской войне. Созданный как сверхзвуковой носитель тактического ядерного оружия и предназначенный для маловысотного прорыва системы ПВО **F-105 Thunderchief** («Громовержец») великолепно зарекомендовал себя во Вьетнаме, выполнив три четверти всех бомбовых ударов и став главным охотником за советскими зенитно-ракетными комплексами. А грозный штурмовик **A-10 Thunderbolt II** доказал свою высочайшую эффективность и феноменальную огневую мощь в Ираке, Югославии и Афганистане.

В этой книге вы найдете исчерпывающую информацию обо всех проектах гениев авиации, создавших **РУССКИЕ КРЫЛЬЯ АМЕРИКИ**.

УДК 623.74

ББК 68.53

ISBN 978-5-9955-0797-0

© Анцилиович Л.Л., 2015

© ООО «Яуза-пресс», 2015

ОТ АВТОРА

Два молодых невозвращенца в советскую Россию и советскую Грузию стали выдающимися американскими авиаконструкторами. Один уже был морским инженером и лётчиком, героем Первой мировой войны, другой участвовал в ней как артиллерийский офицер, влюблённый в авиацию.

Александр Николаевич Прокофьев-Северский и Александр Михайлович Картвелишвили создали в США непревзойдённые образцы боевых самолётов и немало поспособствовали увеличению мощи крыльев Америки.

Удивительная судьба этих двух авиационных гениев не могла не заинтересовать меня. Я приложил много труда, чтобы собрать материал для книги о близких мне по духу русскоговорящих авиаконструкторах Америки. Работа в архивах авиационных музеев Вашингтона и Нью-Йорка позволила мне окунуться в водоворот событий и технического творчества этих талантливых конструкторов. Все три книги Александра Северского я нашёл в библиотеках и через шестьдесят с лишним лет после их выхода в свет с большим интересом прочитал.

Эпоха становления военной авиации, участия авиации во Второй мировой войне и в послевоенных вооружённых конфликтах нашла своё отражение в жизни этих гениев, которые своим трудом изменили мир. Их творческая жизнь — достойный пример для молодого поколения.

Выражаю сердечную благодарность моему коллеге, авиационному инженеру Сергею Конявко за замечания по рукописи этой книги и всем читателям за отзывы о моих предыдущих книгах. Особо тёплая и искренняя благодарность жене Майе за рекомендации и поддержку. Спасибо дочери Елене за организацию нашей поездки в Вашингтон и Нью-Йорк.

Часть первая

СЕВЕРСКИЙ

Глава 1

БУДУЩИЕ ГЕНИИ

Дети Тифлиса

В этот торговый и культурный центр Закавказья с Запада и Востока стремились торговые караваны, путешественники, политики и миссионеры. Тифлис стал важным стратегическим городом. В столице Грузии можно было встретить представителей самых разных народов и национальностей. Кавказцы соседних племён, персы и татары, европейцы, большинство которых составляли русские, перемешались здесь в устойчивом конгломерате мирно живущих горожан. С птичьего полёта город Тифлис казался бессистемным нагромождением каменных зданий, зажатых отрогами окружающих гор. Среди этого хаоса домов возвышались остроконечные купола белоснежных христианских храмов и редкие минареты мечетей.

В преддверии двадцатого века в Тифлисе родились два мальчика, которым будет суждено стать выдающимися авиаконструкторами Соединённых Штатов Америки и внести огромный вклад в создание оружия победы во Второй мировой войне над нацистской Германией и милитаристской Японией. Разработанные ими дальние истребители выпускались тысячами.

В молодой семье гастролирующего в Тифлисе артиста Прокофьева, выступающего под псевдонимом Северский, в любви и радости 7 июня 1894 года родился первый ребёнок — сын Александр. Его отцу Николаю Георгиевичу

только исполнилось двадцать четыре. Супруга Николая Георгиевича и мать Александра, Вера, была всего на два года моложе мужа. Дед новорождённого по отцовской линии Георгий Прокофьев служил в инженерных войсках в чине полковника и строил Военно-Грузинскую дорогу в горах Кавказа. Это была семья потомственных российских военных, которые проживали в столице империи.

Поручика Николая Прокофьева тяготила служба в полку, и он всё больше увлекался пением. Особенно ему удавались цыганские романсы под гитару. Ни одна вечеринка офицеров полка не обходилась без его блистательных исполнений. Прокофьева стали приглашать знатные горожане Петербурга на музыкальные вечера вместе с известными артистами. Сценический успех настолько вдохновил молодого офицера, что он с головой погрузился в изучение прекрасного и чарующего мира музыкальной эстрады. Он открывал для себя новых композиторов и их музыкальные произведения, новых исполнителей с их неповторимой интерпретацией народных цыганских песен и романсов. С каждым днём росло и его мастерство, подтверждая несомненную музыкальную одарённость.

Поручик Прокофьев настолько страстно увлекался музыкой и преуспел в исполнении романсов, что оставил службу в полку и гастролировал по стране. Многие находили тембр его голоса весьма привлекательным. Он был красавцем. Высокий и стройный, с густой чёрной шевелюрой вьющихся волос, он заставлял встречных женщин оборачиваться. Классические черты лица дополнялись густыми чёрными усами и делали его похожим на удалого гусара. Через год после Александра у них с Верой родился второй мальчик — Георгий.

Когда Александру Прокофьеву уже было два года, в далёком Тифлисе в богатой грузинской семье мирового судьи Михаила Картвелишвили 9 сентября 1896 г. появляется на свет его тезка — Александр. Оба Александра из Тифлиса познакомятся только через тридцать пять лет в США, когда достигнут высшей квалификации в самолётостроении. А пока любовь и забота их образованных

родителей закладывали основы характера и мировоззрения этих двух мальчуганов.

Интернациональный город Тифлис наложил свой отпечаток на развитие Саши Картвелишвили. Незабываемое впечатление на вокзале от прибывающего шипящего поезда. Величественное одноэтажное здание железнодорожного вокзала с колоннадой главного входа и высокими замковыми окнами подпиралось с боков двухэтажными флигелями. Неизменный интерес у малыша вызывали стройные ряды извозчиков, постоянно заполнявших левую часть привокзальной площади в ожидании пассажиров приходящего поезда.

Будущие авиаконструкторы росли и были совершенно не похожи друг на друга.

Александр Прокофьев обгонял сверстников по росту и был очень подвижным ребёнком. Большой лоб в обрамлении вьющихся каштановых волос и оттопыренные уши дополняли облик умного, но немного легкомысленного и озорного мальчика. Его лицо несло явно семитские черты: удлинённый нос, пухлые губы и полузакрытые хитрые глаза. На плутоватом лице Саши Прокофьева часто сияла неподдельная и обворожительная детская улыбка, он был беззаботным и весёлым. Свои черты он во многом унаследовал от матери Веры, а его младший брат Георгий был больше похож на отца.

Другой Саша в Тифлисе был совершенно не похож на Сашу Прокофьева. Маленький Картвелишвили рос крепышом, но не мог похвастаться своим ростом. На его круглом смуглом лице выделялись огромные, широко расставленные, внимательные чёрные глаза, которые смотрели на окружающий мир с некоторым удивлением.

В Тифлисе было чему удивляться. На улицах часто встречались огромные животные — лошади. Некоторые несли на себе всадников. Это были дяди в военной форме. Другие лошади везли пролётки и кареты с пассажирами, и ими управляли кучера. Возле базара было много лошадей, запряженных в телеги с разными товарами. Иногда попадались одинокие лошади, которых вели под уздцы их хозяева. Эти лошади несли по два больших кожаных мешка с водой, и взрослые называли их водоноса-

ми. Но самое большее удивление у маленького Саши вызывали лошади, везущие по железным путям вагон с пассажирами. Это громящее на стыках рельс сооружение называли конкой. Сашенька слышал, как отец обсуждал с гостями какую-то забастовку работников Тифлисской конки, из-за которой она остановилась.

Саша Прокофьев (слева) с отцом
и братом

Почему-то Саше запомнился визит к фотографу. Его со старшей сестрой родители решили запечатлеть для будущих поколений. Наследник в грузинской семье обязательно должен выглядеть джигитом. Ребёнка нарядили в его белое парадное одеяние. Белоснежная длинная черкеска ниже колен с газырями на груди подпоясана узким кожаным ремнём с серебряной пряжкой, на котором спереди висит настоящий маленький кинжал в ножнах. На голове высокая папаха из белого каракуля. Белые шаровары с лампасами заправлены в белые кожаные сапожки. Саша будет разглядывать эту фотографию, спустя много десятилетий, с чувством горячей благодарности к своим родителям за счастливое и безбедное детство.

На улице, недалеко от их дома, когда он гулял с няней, Саша обнаружил большую грузовую двуколку с двумя огромными деревянными колёсами, на которой крестьянин из ближайшего горного села привёз в город свой товар. Он находился тут же, одетый в тёплый армяк и чёрную меховую шапку. Пышные усы торчали из-под его длинного носа. Он что-то увязывал длинным кожаным ремнём на двуколке. А возле неё отдыхали два чёрных быка с большими рогами. Они-то и везли двуколку по узким горным дорогам. Один бык с лоснящейся на солнце шкурой стоял и жевал сено. Другой лежал и дремал. С огромным вниманием Саша долго рассматривал детали устройства деревянной двуколки, и няня с трудом

смогла оторвать его от этого занятия. К главным городским Ганджинским воротам ходили поглазеть на верблюдов, караваны которых привозили в Тифлис восточные товары.

Когда Саша Картвелишвили подрос, отец показал ему ещё одно чудо Тифлиса. Это были знаменитые серные бани. На низком берегу реки Куры, против расположенного на другом берегу храма Святого Давида, из земли издавна бил горячий целебный сероводородный источник. Над ним и построили Тифлиские бани. Отец частенько бывал там и рассматривал посещение этих бань как оздоровительное мероприятие. Внутри было много разных помещений для отдыха. Несколько компаний разгоряченных мужчин вели громкие беседы за столами, уставленными множеством бутылок с молодым грузинским вином. Не задерживаясь, через анфиладу колоритных помещений отец с сыном прошли в мыльное отделение бань. Их встретил улыбающийся «тёрщик», на котором был только клеенчатый передник. Договорились, что младший Картвелишвили сегодня будет только зрителем. В помещении парной с тёмным сводчатым потолком было уже жарко. Раздевшись, отец лёг на большую скамью из белого мрамора, и для начала «тёрщик» окатил его тёплой водой из деревянного ведра. Затем, манипулируя наволочкой, он создал вокруг тела отца облако мыльной пены, в котором следовало лежать несколько минут. Банный мастер сначала тёр отца мыльным полотенцем и целым набором щёток разного размера, затем приступил к своеобразному массажу. Он мял тело отца своими коленями, выкручивал руки и ноги, сдавливал их и вытягивал. Взобравшись на скамью, он ходил по стонущему отцу, удовлетворённо мурлыкая свои прибаутки. Избавление наступило при обливании несколькими ведрами прохладной воды. Окончательно отец пришел в себя, стоя под струёй тёплой сероводородной воды, которая вытекала из потолка ниши в стене. По дороге домой Саша слышал от отца восторженные слова о целебных свойствах этих бань и мастерстве «тёрщика». Отец был в приподнятом настроении, которое передалось и сыну.

Традиции большой дворянской семьи Прокофьевых, потомственных военных, предусматривали глубокое и разностороннее образование детей. Плохо учиться было не принято. Саша Прокофьев был среди первых в классе военного училища, куда его, десятилетнего мальчика, определили по настоянию деда, полковника Георгия Прокофьева.

Такой же подход к воспитанию детей был и в семье судьи и юриста с высшим образованием Михаила Картвелишвили. Его сын Александр тоже отлично учился в гимназии Тифлиса.

Но мальчикам Прокофьевым в Санкт-Петербурге было суждено пережить глубокую душевную травму. Ссоры между их родителями омрачали жизнь братьев. Эти ссоры возникли как-то незаметно, но, как лавина, перевернули всю идиллическую атмосферу в семье. Отношения между родителями дали глубокую трещину. Вскоре мама Вера куда-то уехала. В доме царила атмосфера невозполнимой потери самого дорогого: их мамы не было с ними. Родители развелись.

Прошло немного времени, и братья уже начали привыкать жить без мамы, когда в доме появилась мачеха Варвара. Она тоже была красивая и очень старалась завоевать любовь мальчиков. Но в этом она не очень преуспела. Их сердца разрывались от трагедии случившегося и теперь стали каменными. Мальчишки изумились и совсем замкнулись, когда после нескольких дней отсутствия отец привёз Варвару с новорождённой девочкой Никой и сказал им, что она их сводная сестра. Для двенадцатилетнего Саши и младшего Жоры это был новый стресс. Только с годами, ощущая любовь отца к жене и дочери, они тоже полюбят мачеху и сестру.

Когда Саше Прокофьеву исполнилось четырнадцать лет, отец и дед уговорили его поступать в самое престиж-

Кадет Александр Прокофьев

ное в стране высшее учебное заведение военных моряков — Морской корпус в Санкт-Петербурге. Там надо было сдавать вступительные экзамены и учиться шесть лет. Ежегодный приём в этот элитный военный институт составлял немногим более пятидесяти человек, и преимущество имели дети военных моряков. Отец Саши не был моряком и не имел высокого воинского звания, но уже был известным певцом с обширными связями.

Документы у Александра Прокофьева приняли, экзамены он сдал успешно и был зачислен кадетом на первый курс. Учился он и постигал высокую морскую науку, как и ремесло морского офицера, очень старательно. Выходы в штормовое море на учебных судах переносил стойко.

Годы пролетели, и в тот год, когда началась Первая мировая война, двадцатилетний гардемарин Александр Прокофьев, рождённый в Тифлисе, выпускается из Морского корпуса в первом офицерском звании мичмана. В этом же году в Тифлисе восемнадцатилетний Александр Картвелишвили успешно заканчивает гимназию.

Дальнейшие судьбы детей Тифлиса будут разными, но очень скоро их обоих закрутит мощный вихрь набирающей силу авиации.

Летающие Прокофьевы

Слава и доходы модного артиста оперетты и исполнителя цыганских романсов Николая Георгиевича Прокофьева росли не по дням, а по часам. Многочисленные поклонники таланта певца знают его по сценическому псевдониму как Николая Северского. Он автор и постановщик музыкальных спектаклей, в которых традиции русской оперетты дополняются цыганскими мелодиями и сюжетами. У него уже свой театр, выпускаются и раскупаются его пластинки с романсами. Муж очаровательной и любящей Варвары, отец двух сыновей Александра и Георгия, а также дочери Ники, становится богатым жителем Петербурга. Казалось бы, благополучная жизнь семьи Прокофьевых застрахована от неожиданных перемен. Но это оказалось не так. Всё началось с воскресной

поездки всей семьёй в Гатчину, а закончилось страстным увлечением, изменившим дальнейшую жизнь и судьбу Прокофьевых.

В южном пригороде Петербурга по дороге на Лугу и Псков расположился Гатчинский дворец. Здесь, на военном поле Кирасирского полка, впервые в России ещё 11 октября 1909 года заезжий французский механик Жорж Леганье продемонстрировал публике пилотаж невиданного летательного аппарата типа «Вуазен» с мотором. Этому полю суждено было вскоре стать первым аэродромом России, на котором началась подготовка лётных кадров и испытания новых самолётов. Торжественное открытие Гатчинского аэродрома состоялось 26 марта 1911 года, и к этому времени уже 36 русских офицеров имели дипломы пилотов. Взлётно-посадочная полоса размечена и выровнена. На окраине аэродрома построены ангары для самолётов, мастерские, бензохранилище и примитивная метеостанция. На аэродроме находился дежурный врач, и проводился обязательный предполётный осмотр пилотов. Над Гатчиной не смолкал гул летающих самолётов. Самыми популярными были «Фарманы».

Петербургское высшее общество вдруг воспыало необыкновенным интересом к самолётам. О них писали газеты и говорили при встречах. У Российской авиации появились могущественные покровители и щедрые меценаты. Заказывались новые русские самолёты и приобретались французские «Фарманы». Самые смелые петербуржцы из числа военных и штатских захотели летать, среди них были и отважные женщины — спортсменки и актрисы. Посмотреть на аэропланы с близкого расстояния и полюбоваться их полётами в Гатчину приезжало много народа, благо Балтийский вокзал железной дороги был совсем рядом.

Увлечение аэропланами не минуло и семью Прокофьевых. Николай Георгиевич с выросшими сыновьями Сашей и Жоржем после первой поездки зачастил в Гатчину. Там он познакомился с начальником Офицерской воздухоплавательной школы генералом Кованько и заведующим аэродромом штабс-капитаном Горшковым.

Знаменитого артиста встречали с большим почтением. Прокофьевым не только показали «Фарман» в ангаре, но и объяснили его устройство. Даже предложили поочередно посидеть на месте пилота.

Теперь дома, когда они бывали вместе, отец с сыновьями обсуждали каждую новую публикацию о самолётах, спорили над каждой фотографией новой модели. Мальчики увлеклись авиамоделизмом. Саша даже придумал конструкцию модели самолёта с соосными пропеллерами, вращаемыми резиновым моторчиком в разные стороны.

При первой же возможности они продолжали навещать в Гатчину. Кадету Александру было нелегко выкроить время и получить увольнение из Морского корпуса, но иногда это удавалось. И вот наступил день, когда с разрешения начальства сердобольный пилот-конструктор Игорь Сикорский, хороший знакомый отца, покатал Сашу Прокофьева в качестве пассажира на заднем сиденье учебного «Фармана».

Для семнадцатилетнего Прокофьева полёт, по его словам, был изумлением и захватывающим приключением. Он твёрдо решил, что будет лётчиком. В этот день воздушными пассажирами стали его отец и младший брат Георгий. Их восторгам не было предела. Они тоже мечтали самостоятельно летать.

К этому времени на Гатчинском аэродроме открылась частная авиашкола, которую организовал промышленник Щетинин. Она носила название «Гамаюн» по имени мифической птицы, поющей божественные гимны и предсказывающей будущее. В эту школу принимали всех, кто платил деньги. План созрел быстро. Прокофьевы должны поступить в эту авиашколу. Правда, со старшим, Александром, вышла заминка — он не мог отвлекаться от занятий в Морском корпусе.

И вот уже одетый в кожаный лётный костюм, в крагах и сапогах, с высоким кожаным шлемом на голове, знаменитый артист и режиссёр Николай Прокофьев (Северский) гордо восседает высоко над землёй на твёрдом сиденье учебного «Фармана», сжимая правой рукой его ручку управления.

Николай Северский учится летать

Программа освоения самолёта была простой. Сначала полёты с инструктором, потом самостоятельные рулёжки по траве аэродрома и, наконец, несложные полёты. Обучение завершилось пилотским экзаменом. Отец и младший сын Георгий оказались способными учениками, быстро начали самостоятельно летать и получили дипломы.

Как-то сама собой возникла идея купить собственный «Фарман» и арендовать для него место здесь, на Гатчинском аэродроме, в ангаре Всероссийского аэроклуба. Но эта идея категорически не понравилась супруге Николая Георгиевича и матери его дочери Ники.

Варвара Григорьевна Чонкина умела добиваться своего. Она была на десять лет младше мужа, и теперь на ней держалась семья. Статная и привлекательная, она слыла красавицей. Они с Николаем были отличной парой, и, на-